

Пролог

Широко раскинулось княжество наше Киевское, далеко расплескалось. Направо посмотришь — наша земля, налево — наша земля. Везде наша. По центру стоит стольный град Киев, а по самой середке — княжий дворец. Высокий, красивый. Лучше я и не видел. Правит там князь Киевский. Ничего так. Справедливый. А главное — мудрый. Есть у него племянница...

Так, что-то я сбился. Хотя почему сбился? Есть племянница, зовут Забава, и я люблю её. И вот прямо так люблю! Как вижу, сердце и заходится. Красивая она — глаз не от-

вести. Высокая, стройная, косы толстые и лицо такое... Хорошее лицо. Характер боевой! Вся в дядю. Мне такие очень нравятся. Как придумает что — добьётся. А как сомнение поселится... Вот с того всё и началось — никак она решиться со мной сбежать не могла.

Давайте знакомиться! Меня зовут Елисей Силович! Я любимый и единственный ученик великого богатыря Добрыни Никитича. Знаете такого? Ну конечно! Самый сильный богатырь на Руси. Никто против него устоять не может. Он меня как увидел, так сразу и сказал, что берёт в ученики. Что такого ловкого и сильного он не знал никогда. Да, всё правда! Я такой! В папу уродился. А ещё в маму.

Вы мне не верите? Смотрите на меня и думаете, что я вру? Да я самый честный человек! Меня поэтому князь Киевский и выбрал в гонцы. Мы знаете какие шустрые! Раз-два, туда-сюда. Только пыль из-под копыт коня летит.

Так я о чём? А! Запутался немно-
го. Давайте я лучше по порядку нач-
ну. Это сейчас я ого-го, а когда-то
был просто гонцом. Хотя, конечно,
не просто. Я же был гонцом князя.
Меня все уважали. Боялись даже.
А вот Забава любила.

Глава

1

Как сейчас помню, был солнечный день. Такой, знаете, тёплый, мягкий, лёгкие облачка, яркое солнышко, воркуют голубки. Мы с Забавой сидели в беседке, вокруг всё розы, розы. Я её учил мыльные пузыри выдувать. У нас пацаны во дворе игрушку эту придумали, я сразу показал Забаве.

— Ну, давай... один разочек... — уговаривал я её, протягивая трубочку.

Не сложно же, дунул — и вот он, мыльный пузырь, полетел. А она

всё стесняется. Девчонка, что с неё взять.

— Не получается у меня, — твердила она и делала обиженное лицо.

— Ну давай, это так просто... — настаивал я. Правда несложно: дунул — и всё. Посильнее только нужно.

— Я же никогда не пробовала... — сказала Забава и покраснела.

— А я тебя сейчас научу, — заверил я. — Сделай губы «трубочкой».

Я вытянул губы, показывая. Забава тоже вытянула, а потом смутилась и засмеялась.

— Ой, а глаза нужно закрывать? — спросила.

А глаза у неё — загляденье! Голубые, с искринкой. Она как посмотрит...

Опять отвлёкся.

— Ну, закрой, от греха подальше, — говорю.

А то ведь лопнет пузырик, попадёт мыло в глаза. Ничего страшного, но неприятно.

Забава опустила один конец трубочки в мыльный раствор, поднесла трубочку другим концом к губам, дунула. И полетели, полетели пузырьки. Один другого больше. Один другого выше. У Забавы всегда всё очень хорошо получается. Засмотрелся я на неё. Она ещё и засмеялась по-доброму. Я и сказал:

— Вот видишь, а ты боялась!

Забава потупила глаза.

— И не боялась... — произнесла. — Я, если хочешь знать, ничего не боюсь...

А я и знаю, что она не боится ничего. Это же Забава! Я её за храбрость и люблю. И вот как она сказала, что ничего не боится, так я и решился.

— Тогда убежим, — говорю. — Завтра же убежим! Согласна?

Ой, я чуть не зажмурился от страха. Но сдержался. А Забава отвечает:

— Согласна!

Я от счастья потерял голову! Хотел её обнять. Но Забава остановила.

— Только знаешь... — начала она.

— Что? — удивился я.

— Давай ещё чувства проверим.

Тут уж я не выдержал.

— Ты что? — подпрыгнул я на лавке. — Чего там проверять? Да я ради тебя — хоть на край света!

— На словах-то все герои, — отвела глаза Забава. — А ты на деле докажи!

Зачем доказывать? И так понятно! Мы созданы друг для друга. Кроме Забавы, мне больше никто не нужен. Сколько раз ей ещё это повторять?

— Да я...

Договорить мне Забава не дала, закрыла рот рукой. А ладошка у неё мягкая. Я сразу подобрел. С ней долго злиться нельзя.

Забава стояла ко мне близко-близко. Я потянулся её поцеловать. Она склонилась навстречу. Но тут в кустах раздался шорох, словно кто через них шёл. Взлетели голуби. Забава убежала, и я остался один.

«Герой на словах...» Да что ещё сделать-то, чтобы она поверила? Змея победить? Думал я, думал, ничего не придумал. Хотел пойти домой,

но меня позвали во дворец. Вручили пакет от князя и велели скакать на дальнюю заставу к Добрыне Никитичу.

Я ещё удивился, чего так сразу и так далеко? Словно специально кто хочет разлучить меня с любимой. Ехать-то о-го-го сколько. Долго меня не будет. Эх, как бы князь не решил отдать мою любимую замуж, пока туда-сюда с письмом ездить буду. Он же князь! Всё может. Если бы не сомнения Забавы, бежали бы мы уже сейчас вместе с ней в заморские страны. А так я оседлал коня и поскакал, а Забава моя осталась в княжеском тереме.

Скакал я долго. Деревни, городки малые, пролески. День занялся и закончился, наступила ночь. Добрался я до самой дальней границы Киевского княжества.

Тут в сторожевой башне и жил великий богатырь Добрыня Никитич. Если бы кто былину сочинял, непременно так бы про него сказал: «Славны витязи русские, за их службу рат-

ную и в народе им похвала вечная. Где стоит богатырь доблестный, не пройти войску тёмному, не пролететь птице тайною, не проскочить зверю незамеченным».

Добрыня крепко держал границу на замке. Его все наши знали. Стоило богатырю появиться в Киеве, толпа собиралась, девушки засматривались на него. Я приготовился к встрече с прославленным героем.

Я ж княжий гонец. На мой призыв откликаются мгновенно. Стоит мне открыть ногой дверь да крикнуть:

— Гонец от князя!

И ещё показать письмо с печатью. Тут все начинают сразу бегать вокруг меня, суетиться. Кто предлагает стул, кто чай с пряниками.

Вот только у Добрыни никто бегать не стал. Тихо было. И сквозь эту тишину я отчётливо слышал храп. Хороший такой, богатырский. Я поднялся на второй этаж, а там на лавке спит Добрыня, завернулся в покрывало с головой и храпит. Ой, я вам скажу. Мощно. Только богатыри так

могут. Я даже специально учусь так храпеть, чтобы быть как богатырь. Но это я опять отвлѣкся.

Подошёл я к Добрыне, в позу встал — всё-таки не кто-нибудь, а княжий гонец, — письмо показал и говорю:

— Письмо от князя!

Должен был проснуться. Но спит. Даже не шевелится.

Я к уху богатыря склонился и осторожно так повторил шѣпотом, чтобы не испугать:

— Письмо от князя!

Никакого результата. Постучал по шлему — настоящий богатырь спит всегда в полном облачении. Чтобы если что — сразу вступить в бой. Звонко у меня получилось, а без толку. Добрыня лишь на мгновение перестал храпеть и дальше спать.

Я сдёрнул покрывало — станет без него холодно, проснѣтся.

Нет, только пошевелил пальцами на голых ногах. Я потянул за ногу. Опять ничего. Ткнул в бок кулаком. Как о камень, только руку отбил.

Что я ни перепробовал. И стучал в щит, и лил воду на голову, и прыгал сверху, и щекотал пятки — спит богатырь. Вот что значит богатырский сон! Я даже позавидовал. А потом так устал, что и сам уснул.

Добрыня проснулся с восходом солнца. Увидел меня и спрашивает:

— Кто таков?!

Я, конечно, не потерялся, молодец-молодцом перед ним предстал, достал из-за пазухи конверт.

— Послание от князя! — доложил по всей форме.

— Чего ж сразу не разбудил? — удивился Добрыня, беря конверт.

Да я ж будил! Но тут Добрыня стал послание читать, и я забыл обо всём. Потому что там было такое!

«Государственные дела требуют твоего срочного вмешательства. Повелеваю тебе получить дань с Беке-та, хана Крымского. Целую. Князь. Извини за испорченные выходные. Важно! Гонца возьми с собой — пусть помогает».

Вы поняли, да? Это же про меня! Это меня делали помощником, и не кого-нибудь, а самого Добрыни Никитича! Настоящего богатыря!

Может, вы чего про богатырей не знаете? У нас-то про них с пелёнок рассказывают! В любой былине прочитайте. Там так пишут: «Не то что бы совсем, а всё ж таки давно — жил на Руси богатырь великий! И статен он был, и высок, грамоте разной обучен, а в бою-то был смел, и на пиру он был весел. И дрожали враги от одного имени его славного — Добрыня Никитич».

Глава 2

Пока мы с Добрыней собирались совершать великие подвиги, князь задумал-таки мою Забаву замуж выдать. Это мне уже потом Забава рассказала. На следующее утро, как я уехал, к ней в светлицу пришёл дядя-князь. И не с пустыми руками. Принёс он с собой шка-тулку.

— Забава! Забавушка, — ласково постучал он в дверь.

— Здравствуй, дядюшка, — открыла ему Забава, обняла, поцеловала в щёку. Всё-таки она его очень

любила. Как-никак, единственный родственник на всём белом свете.

Князь прошёл по горнице, огляделся и вдруг произнёс:

— Забава, я вот здесь подумал...
Замуж тебе пора.

— За кого? — вскинулась Забава.

У неё-то жених уже был. Она даже поначалу подумала, что князь про меня скажет. Но он завёл разговор о другом.

— Да мало ли женихов пригожих, — ответил князь. — Вот, погляди.

Тут-то князь свою шкатулку и открыл. А в ней — деревянные яйца, расписанные разными лицами. И всё женихи.

— Ну вот, чем не жених? — Князь достал первое яйцо и повернул портретом к Забаве. — Ух! Красавец! Весь костюм золотом вышит.

Забаву с удивлением посмотрела на портрет. Жених на нём был совсем не красавец, а золота не было вовсе.

— Да где же, где же красавец-то? — воскликнула она. — Он же кривой!

— Ну где кривой? Где кривой-то? — возмутился князь и отобрал у племянницы яйцо. — К тому же ежели вот так смотреть... — Он повернул портрет боком. — То ничего не кривой. А совсем даже наоборот.

Забава недовольно насупила брови. Князь покосился и отложил яйцо.

— А вот посмотри, какой важный, — достал он портрет следующего претендента. — Сразу видать — чужестранец.

Тут Забава не выдержала. Она развернула шкатулку к себе, стала по одному вытаскивать «женихов» и показывать дяде:

— Этот тощий, этот толстый, у этого глаза глупые. Про этого и говорить нечего. — В шкатулке осталось последнее яйцо. Забава мазнула по нему взглядом и недовольно произнесла. — А этот вообще старый! И нос у него картошкой!

Забава осеклась, потому что с картинки на неё смотрел сам князь.

— Ой! — смутилась она и опустила глаза. — Прости, дядя...

— Ничего, ничего, — пробормотал князь, пряча яйцо со своим портретом в карман. Потом посмотрел на шкатулку с женихами и решительно пододвинул её к Забаве. — Давай, выбирай. Да не затягивай! — добавил он грозно. — Вот тебе моё родительское слово! Всё!

И вышел из комнаты. Забава собралась плакать, потому что выбирать ей было некого. Она уже всё выбрала. Меня. Заплакать не успела. Дверь приоткрылась. Заглянул князь.

— И, кстати, я на той картинке просто плохо получился, — произнёс он вкрадчиво и скрылся.

На том и расстались.

Глава

3

Мы же с Добрыней в это время подъезжали к месту нашего будущего подвига. Смеркалось, пламенел закат.

— Вон там заночуем, — Добрыня указал на опушку леса. — А утром крепость брать будем.

— Крепость брать? Ух ты! — только и смог выдохнуть я.

Самую настоящую крепость! После этого Забава точно убежит со мной. А то, может, и замуж согласится пойти. Я ж после крепости точно героем стану.

— Слушай, Добрыня, я вот что подумал, — осторожно начал я.

Добрыня остановил коня.

— Так, гонец, — нахмурился он.

Ну и голос у него в этот момент был! Суровый. Вот что значит богатырь! Неужели и я таким стану? Конечно стану. Потренируюсь только.

— Елисей, — осторожно напомнил я.

— Да без разницы, — отмахнулся богатырь. — Значит, так. — Он тронул коня. Я старался не отставать. — Раз уж навязали тебя на мою голову, запомни пару правил. Делать то, что я велю, — раз и молчать при этом — два. Я понятно объясняю? — И посмотрел сурово.

Я немного загрустил. Как это молчать? Но спорить не стал.

— Понятно, — пробормотал. — Только, знаешь, Добрыня, мне бы это... Ну, в общем, одна девица считает, что я не смогу стать героем.

— А ты, значит, сможешь? — усмехнулся богатырь, строгость с него как рукой сняло.

Я расхрабрился, говорю:

— Ну, да. Ты покажешь мне пару ваших богатырских приёмов, а слова героические я уже знаю. Вот смотри. — У меня как раз была подготовлена речь. Я достал из-за пазухи бумагу и стал читать: — «Не бывать тебе, враг, на Руси-матушке! Не жечь, не палить городов русских!»

Добрыня молчал, видать, нравился ему мой текст.

— Или вот ещё, — заторопился я, — «Не хвались, супостат, своей силой тёмною, а не то...»

Тут конь мой споткнулся, и я чуть не упал.

— Ты что, больной? — неожиданно спросил Добрыня.

— Почему? — растерянно отозвался я, садясь ровнее в седле. — Я и имя себе богатырское придумал — Елисей Силович.

Добрыня снова остановился.

— В общем так. — Он вновь стал строгим. — Я кого попало в ученики не беру!

О! Так, значит, есть ученики! Стану учеником, потом героем, а потом Забава со мной убежит!

— Ага! — обрадовался я. — А если я буду не «кого попало»?

— Куда попало? — не понял Добрыня.

— Ну, ты говоришь — «кого попало», — торопился объяснить я.

— Так, гонец! — повернулся ко мне Добрыня. — Меньше говори, больше слушай! Глядишь, и научишься чему.

Да я бы с удовольствием учился. Вот прямо сразу и начал бы. Но как только мы приехали на место, развели костёр, поужинали, Добрыня спать лёг и захрапел. И никаких разговоров. Я сидел, сидел, глядя в огонь, а потом понял, что подвиги меня ждать не будут. Если я их сейчас не совершу, то их кто-нибудь другой совершит и Забава тогда точно во мне разочаруется. А Добрыня — что? Он до утра не проснётся. Знаю я его. На него хоть колокол церковный урони, с боку на